

РОССИЯ: ПУТЬ В XXI ВЕК

Д.С.Львов,

академик-секретарь Отделения экономики Российской академии наук

Что можно сказать о будущем России, как будет складываться ее образ в новом тысячелетии? Будущее, к сожалению, всегда прикрито плотной завесой неопределенности. Наука может лишь высказать некоторые предположения, привести аргументы в пользу той или иной гипотезы развития. Но и в этом случае наши представления об образе России XXI века неизбежно напомнят уже сложившийся ее портрет, тем более что повороты новейшей российской истории преподнесли в последнее время много новых загадок и еще более размыли и без того расплывчатые горизонты будущего.

Но это вовсе не означает, что разговор о будущем несостоятелен. Наоборот, он крайне важен — и именно сейчас, на историческом перепутье, на котором оказалась Россия. Его необходимо направить из футурологической плоскости в русло обсуждения содержательных проблем, раскрывающих причинно-следственные связи нашего прошлого. Анализ событий поможет нам разобраться, что заведомо нельзя делать и, наоборот, что необходимо предпринять в первую очередь, чтобы российское общество и его экономика пошли на подъем, нашли бы, наконец, твердые опоры для своего возрождения.

Не менее важно понять и то, что происходит за стенами нашего дома — в каком направлении идет развитие мировой экономики, какое влияние оно будет оказывать на нашу экономику, на весь уклад общественной жизни. В результате мы сумеем лучше оценить, что может нас ожидать в недалеком будущем при движении по тому или иному пути. Как бы хотелось, чтобы выбор оказался на этот раз более удачным. Надежду вселяет то, что общество созревает до осознания неразделимости судеб всех живущих в России. Общее ощущение опасности постепенно оттесняет на второй план эгоизм личных и клановых интересов. Ошибкой было бы разумно не воспользоваться растущим изнутри стремлением к общественной консолидации для выработки

эффективной стратегии социально-экономического развития России в XXI веке.

Причины кризиса

Что происходит сегодня в России? С одной стороны — либерализация экономики, ее открытость, развитие финансового рынка, ликвидация товарного дефицита, широкомасштабная приватизация, т.е., на первый взгляд, вроде бы все атрибуты рыночной экономики. С другой — очередь за товарами сменилась очередью за платежами, вместо роста деловой активности и эффективности — спад производства; экономическая свобода выбора для всех заменена экономическим произволом власти и криминальных структур; вместо роста благосостояния — нищета и разорение огромных масс населения; единое экономическое пространство оказалось перекрытым множеством сдерживающих выгодный товарообмен административных перегородок; вместо социального партнерства и мира — постоянно возникающие конфликты, мафиозные разборки, а то и прямые военные столкновения. Страна переживает период разлома. При объяснении его причин обычно сталкиваются две точки зрения.

Первая — был застой. Большевистская национальная идея довела страну до краха, породив громадные военные расходы и казарменную экономику. Смена социально-экономической системы — единственный выход. Механизм очевиден: демилитаризация и разгосударствление экономики и демократизация управления. И средства высвободятся, и люди заработают лучше. То, что произошло — «глубокая вспашка» (со всеми минусами), но теперь остается только идти вперед. Вперед — значит, к той системе, ради которой перепахано поле.

Вторая — не было застоя. Страна стояла на пороге нового подъема. Следовало менять не систему, а ее отдельные звенья, и главное — омолаживать и демократизировать власть. А теперь необходимо постепенно регенериро-

вать жизнеспособные элементы старого порядка, сохранить то новое в настоящем, что должна была бы породить и старая система.

Мы считаем правильной третью точку зрения.

Застой был, но происшедшее за последние годы — это не выход из него, а его новая, еще более тяжелая и бесперспективная фаза. Никакой «глубокой вспашки» в действительности не было. Сменились лишь декорации и отчасти исполнители главных ролей. Экономика все более втягивается в застойный хаос.

Сегодня становится очевидным, что объяснение всей глубины и масштабов развала, надо искать в самом курсе реформ, в его концептуальной неподготовленности. Долгие годы догматизма, господствовавшего в экономической науке, не могли не сказаться на уровне научного обоснования реформ. До перестройки ученые были лишены возможности исследовать альтернативные пути социально-экономического развития. Установка «Мы идем единственно правильным путем!» не допускала никаких альтернатив. Подавлялись даже попытки теоретически обосновать необходимость департизации управления экономикой. В результате до последнего времени отсутствовала иная модель коллективистской экономики, кроме директивно-плановой. Отчасти это объясняет, почему нынешним реформаторам так легко удалось навязать научному миру неолиберальную модель рыночных преобразований в качестве единственной альтернативы централизованному планированию. В их поле зрения оказалось лишь одно из направлений мировой экономической мысли, причем не в самом лучшем («чикагском», монетаристском) исполнении.

Под гипнотическим влиянием монетаристских рецептов реформаторы прошли мимо других активно развиваемых на Западе экономических течений: эволюционная теория, теория социального выбора, теория общего равновесия, институционализм и др.

Невостребованным оказалось и наше собственное научное наследие, включая и работы таких выдающихся советских ученых, как лауреат Нобелевской премии по экономике Л.В.Канторович, лауреат Ленинской премии В.В.Новожилов, А.Л.Лурье, А.Л.Вайнштейн и др. Были проигнорированы также важные прикладные результаты теории оптимально-

го функционирования экономики, разрабатываемой в Центральном экономико-математическом институте, а также Комплексной методики оценивания крупномасштабных хозяйственных мероприятий и Комплексной программы научно-технического прогресса, в разработке которых участвовала прекрасная плеяда ученых Академии наук и высококлассных специалистов из различных секторов экономики.

Не были приняты во внимание серьезные предостережения ученых Отделения экономики Российской академии наук (академики Л.И.Абалкин, С.С.Шаталин, Н.Я.Петраков, Н.П.Федоренко, Ю.В.Яременко, О.Т.Богомолов, С.А. Ситарян и др.) относительно трагических последствий для экономики «шоковой терапии». Более того, их зачислили в разряд ретроградов, не разбирающихся в рыночной экономике. Реформаторов не смутило и то обстоятельство, что их позиция расходилась и со взглядами таких общепризнанных авторитетов современной теоретической экономики, как лауреаты Нобелевской премии К.Эрроу, Дж.Тобин, Л.Клейн и др. Их высказывания на этот счет в изданной в 1996 г. монографии «Российские реформы глазами американских и российских ученых» реформаторы сочли лишь незначительным эпизодом [17]. Твердость и уверенность в правильности, а потому безальтернативности монетаристского курса — еще одно доказательство неблагополучия с теоретической подготовкой гайдаровских реформ.

К сожалению, до сих пор остается неосознанным реформаторами бесспорный факт, что то или иное направление экономической мысли не претендует и не может претендовать на всеобщность. В этом отношении они оказались твердыми последователями советской идеологической школы: «монетаристское учение всесильно потому, что оно верно!» Между тем мировой опыт является наглядным подтверждением того, что успех экономических преобразований во многом предопределяется умелым сочетанием позитивных сторон, содержащихся в разных подходах. Необходимо их взаимодействие, умелое дозирование в соответствии с кругом задач, решаемых на том или ином этапе.

Наш неудавшийся экономический эксперимент еще раз подтверждает, что нельзя

на теорию смотреть как на нечто абстрактное, далекое от жизни. При использовании теоретического задела, накопленного мировой, в том числе и российской, экономической наукой, реформы в России могли бы пойти совсем по другому руслу, что позволило бы избежать пагубных последствий, которые мы наблюдаем.

Тупики реформирования: мифы и реальность

Либерализация без учета технологической структуры экономики

Главные причины провалов в экономике коренятся в особенностях ее воспроизводственной структуры, доставшейся нам от прошлого.

Технологические параметры межотраслевых взаимодействий сложились еще в советской экономике под влиянием весьма специфичного ценово-бюджетного механизма финансирования, когда часть издержек возмещалась в ценах продукции, часть — в дотациях и субсидиях. Все это как будто известно, но остается в тени то ключевое обстоятельство, на которое обратил внимание В.Гребенников: будучи естественным образом «отобранными» действовавшим ранее механизмом финансирования и приспособившись к нему, технологические параметры межотраслевых связей уже сами, в свою очередь, не допускали иных возможностей обеспечения макросбалансированности финансовых потоков, кроме сложившегося механизма крупномасштабного перераспределения финансовых ресурсов [1]. В расчете на достижение рыночного финансового равновесия цены спонтанно отпустили «на волю». Итог был заранее предрешен: начался кумулятивный рост издержек и цен как макроэкономическое выражение отсутствия равновесного решения, изначально «заблокированного» технологической структурой экономики.

Даже если о такого рода опасности догадывались, то выход виделся в одновременном изменении как ценовых пропорций, так и самой технологической матрицы экономики (перестройка структуры издержек, отсеечение неэффективных производств и т.п.). Но, во-первых, временной лаг между тем и другим был неизбежен и за это время маховик инфляции набрал обороты и стал самораскручивающимся, как любая крупномасштабная

инфляция. Во-вторых, надежды на технологические сдвиги вообще не оправдались в силу причин, связанных с нарушением одной из фундаментальных макроэкономических пропорций — между производством и потреблением.

Реформаторам не следовало бы также забывать, что потребительский и производственный секторы в равновесных условиях находятся во взаимосвязи и взаимозависимости: изменение темпов одного влечет изменение темпов другого. В отдельные моменты времени их рассогласование может компенсироваться импортом. Но в стратегическом плане такое замещение губительно для целостности экономики, обеспечения ее самодостаточности. Так, по оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в период с 1991 по 1996 г. объем личного потребления снизился на 18%, в то время как ВВП — на 46%, а производство товаров народного потребления — на 58%. Образовавшийся разрыв все эти годы восполнялся в основном за счет импорта.

Основными поставщиками валюты являются топливно-сырьевые отрасли. Так было и раньше. Но теперь масштабы импорта перелестнули все допустимые границы. Более 50% продовольственных товаров — импортные. До 80% сложной бытовой техники — импорт. Легкая промышленность, практически, остановилась, не выдержав конкуренции с западными товарами. Такое форсированное наступление зарубежных фирм на наш потребительский рынок оказалось возможным не только и не столько из-за низкого технического уровня и качества отечественных товаров, сколько из-за беспрецедентной по своей агрессивности и жестокости налогово-таможенной политики, которую Правительство РФ использовало против собственного товаропроизводителя. Но это тема отдельного разговора. Факт остается фактом — ширпотреб и значительная часть продуктов питания во все возрастающих размерах стали замещаться газом, нефтью, металлом, удобрениями и другими сырьевыми ресурсами. В результате потребительский рынок оказался отрезанным от обрабатывающей промышленности. Неизбежное следствие — кризис сбыта промышленной продукции, что предопределило первую линию разлома экономики.

***Приватизация без создания
эффективного собственника***

Приватизация является ключевым элементом нового мифа, воплотившегося в официальный курс российских реформ. Форсированный переход максимальной части бывшего государственного имущества в частные руки был провозглашен в качестве главной, едва ли не решающей предпосылки «перехода к рынку».

Эта цель ныне достигнута с не имеющими прецедентов в мировой истории темпами и в неслыханных ранее масштабах. Государство фактически устранилось от полномасштабного использования даже тех прав собственности, которые оно не передало частным юридическим и физическим лицам де-юре. Снятие преград с коммерческой деятельности чиновников (в составе аппарата органов исполнительной власти и менеджмента предприятий, формально оставшихся в госсобственности) открыло простор для казнокрадства и расхищения государственного имущества совместными усилиями приватизированного и не приватизированного секторов российской экономики. Оказавшись неспособным эффективно защитить свою собственность, государство неизбежно пытается компенсировать это нарушением прав частных собственников и применением чисто властных рычагов давления на экономику — через налоговый пресс, манипуляции с расходными статьями бюджета, прямое участие в разборках между противодействующими экономическими группами «новых собственников».

Российская приватизация выполнила задачу демонтажа механизма централизованного управления экономикой. Она предоставила узкому кругу частных лиц возможность бесконтрольно распоряжаться огромной массой национального имущества (ради чего было осуществлено катастрофическое его обесценивание), распоряжаться отчасти по праву перешедшего к ним титула собственности, однако главным образом — путем фактического контроля над акционированными предприятиями в противовес распыленным имущественным правам миллионов рядовых владельцев акций.

Понятно, что такой характер приватизации не мог обеспечить создания механизма взаимной ответственности частных субъектов

хозяйствования, который заменил бы механизм ответственности администрации государственных предприятий в директивно управляемой экономике. В результате образ «эффективного собственника» как центральной фигуры рекламной кампании правительственного курса приватизации оказался дутым. И вряд ли здесь уместны ссылки на недостаточно последовательную политику приватизации.

С самого начала была поставлена ложная цель: вместо создания условий для свободного гражданского оборота имущественных прав (пользования, управления, извлечения доходов и пр.) упор сделан на «раздачу имущества», передачу титула собственника.

Реформаторы руководствовались догматическим представлением, что главной проблемой в отношении собственности якобы является титул собственника, принадлежность вещи и что именно частно-титульная собственность является наиболее эффективной.

За подобного рода убеждениями нет достаточных научных аргументов. Мировая практика не дает нам убедительных примеров преимуществ частной собственности над другими ее формами, разве что в сфере семейного и мелкого бизнеса. Если же речь вести о крупной промышленности, определяющей лицо современной экономики, то частная собственность в определенном смысле становится тормозом ее развития.

В действительности главная проблема заключалась в другом. Как отмечали В.Гребенников и В.Зотов, следовало создать свободный, конкурентный рынок имущественных прав (прав доступа к имуществу) [2]. Титул собственности при этом мог быть спокойно исключен из гражданского оборота без каких-либо последствий для эффективности производства. Более того, он мог бы быть монополизирован государством. Форма государственно-титульной собственности предпочтительней частно-титульной. При отсутствии осязаемых выгод в условиях современных методов ведения хозяйства частно-титульная собственность сопряжена с осязаемыми потерями для общества. Во-первых, это сравнительно более высокие трансакционные издержки по защите титула собственности множественным лиц, во-вторых, это бремя оплаты рентных доходов владельцев титула собственности, источником которых является соответ-

ствующий вид «искусственной» монополии, не оправдываемой никакой полезной экономической функцией.

Распространенный тезис о ключевой роли частной собственности в современном рыночном хозяйстве не отвечает нынешнему положению дел в высокоразвитых странах Запада. Историческая функция частной собственности, как справедливо отмечает В.Зотов, — способствовать процессу автономизации экономики в дифференцированной социально-экономической системе. В основе процесса лежало отделение непосредственного производителя от средств производства, или первоначальное накопление капитала. Сегодня эта функция исчерпана. Корпорация, как ведущий институт современного частного, государственного и государственно-частного предпринимательства, основывается на отделении собственности от управления. Многообразные формы взаимодействия корпораций основаны на том, что такое отделение, расщепление продолжено уже внутри самих прав собственности. Титул собственности отделяется от права пользования, продажи, передачи в залог или в доверительное управление. Сами эти права получают возможность функционировать отдельно друг от друга. Будущее — за переходом титула собственности в руки публичной власти при сохранении свободного перераспределения всех остальных прав собственности в частно-хозяйственном обороте, то есть института собственности как такового, что является немаловажным условием для эффективного использования огромного по своим масштабам национального богатства. Игнорирование реформаторами этого (одного из важнейших) положения современной институциональной теории предопределило возникновение второй, наиболее болезненной линии разлома экономики.

Рынок без мотиваций к производительному труду

За годы реформ произошла либерализация всех факторов производства. Один лишь труд как был, так и остался наиболее «зажатым» фактором. Да, мы отстаем по уровню производительности труда от передовых стран Запада. Но то, что происходит с нашей заработной платой, никакими ссылками на более низкую производительность труда оправдать нельзя. Факты говорят об обратном. На один

доллар заработной платы российский средне-статистический работник производит в 3 раза больше конечной продукции, чем аналогичный работник в США. За такую нищенскую заработную плату, как в России, тот же работник в США или Западной Европе просто не будет трудиться. Наша средняя заработная плата в промышленности в 5 — 7 раз ниже пособия по безработице, выплачиваемого в этих странах. Мировое сообщество в лице соответствующих организаций ООН давно признало, что часовая заработная плата ниже трех долларов является предельной. Она выталкивает работника за пороговую черту его жизнедеятельности, за которой идет разрушение трудового потенциала экономики. Наша средняя зарплата в три раза ниже данного порогового значения. И это имеет место в условиях, когда нашему, нищему по западным меркам, работнику приходится обменивать свой труд на продукцию и услуги, цены на которые близки или уже сравнялись с мировыми.

Основной причиной ненормального положения является то, что за годы реформ ничего не было сделано по ликвидации диспропорции, возникшей еще в советское время, — между низкой оплатой труда и его производительностью. Россия традиционно отставала от стран Запада не только по производительности, но еще в большей мере по доле заработной платы в ее приросте.

Ликвидация диспропорции в оплате труда развязала бы многие узлы в экономике. В частности, повысила бы восприимчивость ее к научно-техническому прогрессу. Только на такой базе сыграли бы позитивную роль меры по либерализации экономики и преобразования в отношениях собственности. Поднять оплату труда, поддержав ее крупномасштабным структурным маневром по переориентации экономики на потребительский сектор и институциональными преобразованиями, — вот в чем должен был бы состоять основной замысел реформы. К сожалению, с самого начала реформаторы пошли в противоположном направлении. Ими так и остался не понятым факт, что переход на рыночные формы функционирования невозможен без предварительного решения проблемы доходов населения. Именно этим можно объяснить появление очередной линии разлома в экономике — отчуждения человека от экономических реформ.

Финансовая система без экономического роста

Одним из главнейших признаков здоровья экономики является ее способность к росту. Растет производство, увеличиваются занятость и доходы населения, расширяются возможности рынка, растут конечный спрос, объем прибыли в экономике и, следовательно, и налоговые поступления в бюджет — у государства появляются реальные возможности для решения социальных и других общественных проблем.

Свертывается производство, растет безработица, увеличиваются издержки производства, снижаются рентабельность и прибыль, а следовательно, и размер налоговых поступлений в бюджет — у государства резко сокращаются возможности для поддержки социального сектора, реализации важнейших программ социально-экономического и научно-технического развития.

В нашей экономике вот уже седьмой год подряд идет спад производства. Объем ВВП уменьшился за данный период примерно вдвое. Более половины производственных мощностей простаивают. Число безработных превысило 10%-ю отметку. А с учетом не полностью занятых эта цифра зашкаливает за 15%-й рубеж. Около половины промышленных предприятий оказались нерентабельными. У них нет прибыли для пополнения бюджета. В результате собираемость налогов снизилась до 65%.

Недобор по налогам правительство пытается компенсировать крупномасштабным сокращением расходных статей бюджета. Тем самым оно принуждает к «секвестру» своих бюджетов миллионы российских семей, освобождая квалифицированных работников не только от рабочих мест, но и от заработной платы. Таков закономерный итог экономической политики удержания производства, свертывания реального сектора экономики. О губительности подобного курса реформ ученые РАН неоднократно предупреждали руководство страны. Однако каждый раз высказывались возражения, что экономический спад был неизбежен из-за технологической отсталости многих промышленных производств, недееспособности значительной части производственных мощностей в условиях рыночной экономики, высокого уровня инфляции и

перегруженности бюджетных расходов по поддержанию социальной сферы: жилищно-коммунального хозяйства, транспортных и других услуг населению, здравоохранения, образования, науки и культуры. И далее рассуждения сводились к тому, что преодоление провалов в экономике возможно лишь при обеспечении финансовой стабилизации. Вот снизим инфляцию, сократим дефицит бюджета, тогда и начнется экономический рост.

И пути выхода на траекторию роста тоже указывались. Это использование известных из мировой практики стандартных финансовых инструментов привлечения заемных средств на рынке ценных бумаг, удержание стабильного курса рубля за счет золото-валютных запасов ЦБ и внешних займов.

И что же получилось в итоге?

Инфляция в 1997 г. составила 11%, что, по справедливому утверждению А.Чубайса, является беспрецедентно низким показателем за все предшествующие годы. Валютный курс устойчиво удерживается в пределах установленных ЦБ границ. Дефицит бюджета сокращен до 4,5%. Таким образом, уровень основных макроэкономических показателей свидетельствует о том, что задачу финансовой стабилизации экономики правительство решило. Ну а как же с экономическим ростом? А его как не было, так и нет. Это подтверждается следующим.

Во-первых, продолжается снижение инвестиционной активности производства. По отношению к 1990 г. объем инвестиций в реальный сектор сократился более чем в пять раз. Эта тенденция продолжается и в 1998 г. Очевидно, она сохранится и в последующие годы. Главнейшие государственные инвестиционные программы профинансированы не более чем на 10 — 12%. Так, программа гражданской авиации — на 0%. На инвестиции по бюджету развития намечается выделить 17 млрд руб., под гарантию правительства — еще 30 — 50 млрд руб. Итого порядка 50 — 60 млрд руб., что составляет 12 — 13% от их минимально необходимого объема. А без инвестиций добиться устойчивого роста нереально.

Во-вторых, наблюдается абсолютное доминирование на денежном рынке краткосрочных банковских кредитов, предоставляемых под столь высокие и в номинальном и в реальном выражении проценты, что их исполь-

зование в реальном секторе практически невозможно.

В-третьих, гигантскими темпами растет государственный внутренний долг. Выстроенная государством финансовая пирамида ГКО и ОФЗ отвлекает на его обслуживание около трети всех бюджетных расходов. Это больше, чем затраты на содержание армии и других силовых структур, жилищно-коммунальной сферы, вместе взятых расходов на здравоохранение, образование и науку.

Это самая приоритетная статья расходной части бюджета. Рост ее объемов обгоняет объемы поступления налогов. В таких условиях ни о какой бюджетной поддержке структурных преобразований в экономике не может быть и речи и рассчитывать на устойчивый рост экономики не приходится.

В-четвертых, весьма малы прямые инвестиции в наукоемкие секторы промышленности, развитие которых только и может обеспечить высокие темпы роста.

В условиях ограничения исключительно финансовыми инструментами арсенала мер, используемых правительством для воздействия на экономику, снова создался потенциальный инфляционный навес, тем самым перекрыв путь к экономическому росту. Это явилось причиной возникновения новой линии разлома экономики, выразившейся в росте неплатежей, обособлении финансового сектора от нужд реального производства.

Образовавшийся разлом резко сузил возможности экономического роста, выбора эффективных путей выхода российской экономики из кризиса. Теперь, наряду с решением долгосрочных задач социально-экономического развития, придется в срочном порядке решать и комплекс экстренных мер по заживлению последствий указанных макроэкономических разломов.

«Неизвестный» мировой рынок

Послевоенные десятилетия принципиально изменили облик мирового рынка. Происходит перестройка институциональных основ современной экономики. Локальные, национальные экономики постепенно теряют потенцию саморазвития, начинают активно интегрироваться в единый общепланетарный экономический организм с универсальной системой регулирования, которую по инер-

ции называют рыночной или системой свободного предпринимательства.

Идет мощный процесс формирования региональных экономических союзов: Северо-американская зона свободной торговли (НАФТА), Европейский союз (ЕС), Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество (АПЭК) и другие. На долю НАФТА приходится 29% мирового ВВП, Европейского союза — примерно 25%, АПЭК (с учетом США) — около половины.

Россия и страны СНГ оказались как бы в стороне от мировых интеграционных процессов. Доля России в мировом ВВП за последние годы резко снизилась. Сегодня она составляет не более 2%. С учетом всех государств СНГ эта доля достигает всего 3%.

Институциональные границы мирового рынка, решающую роль в формировании которых играют США и экономические союзы ведущих стран Европы и Азии, резко ограничивают возможности эффективной интеграции в этот рынок России и других государств СНГ. По существу, для России остается пока открытой лишь сырьевая ниша мировой экономики.

Свободный доступ на рынок высоких технологий и наукоемких продуктов для нашей страны оказался закрытым. Он жестко монополизирован ведущими транснациональными промышленными корпорациями (ТНК). Совокупность 37 тыс. ТНК, имеющих около 200 тыс. филиалов, охватила всю планету. Это некая глобальная финансово-производственная сеть, наброшенная на все страны: она владеет третью всех производственных фондов планеты, производит более 40% общепланетарного продукта, осуществляет более 80% торговли высокими технологиями и контролирует более 90% вывоза капитала [4].

Финансово-технологическое ядро ТНК составляют ведущие промышленные корпорации государств — лидеров мировой экономики, так называемые страны золотого миллиарда. Это, прежде всего, страны большой семерки во главе с США. Именно они сегодня аккумулируют львиную часть технологической ренты. Подавляющая часть других государств, входящих в те или иные экономические блоки или союзы и включенных в орбиту ТНК, выполняют в основном роль импор-

тера высоких технологий. Как потребители «отверточных технологий», они оказываются жестко привязанными к научно-технологическому потенциалу стран золотого миллиарда, что позволяет осуществлять над ними не только экономический, но и политический контроль. И тут используются соответствующие финансовые инструменты — рынок ценных бумаг, механизмы регулирования курсовой стоимости национальных валют и др. Иначе страны золотого миллиарда не могли бы сохранять лидерство в мировой экономике.

Исходной и определяющей основой мировой интеграции выступает единая, унифицированная на западный манер, финансовая система. Что она из себя представляет? Это, по существу, перевернутая пирамида, узкое основание которой — финансы реального сектора. На их долю приходится 12 — 14% общего оборота мировых финансовых ресурсов. Верхнее, широкое основание пирамиды — финансовые ресурсы, задействованные на рынке ценных бумаг. На их долю приходится около 60%. Остальная часть финансов обслуживает так называемый торговый оборот — различного рода услуги по сбыту продукции, реклама, маркетинговые услуги и т.п.

Таким образом, подавляющая часть финансовых ресурсов включена в орбиту чисто спекулятивных операций на ожидаемых повышениях или понижениях курсовой стоимости акций, других ценных бумаг и валютных курсов. За ними не стоит реальное материальное наполнение. Это деньги, делающие деньги. И это не просто капитал рантье. Это одновременно и механизм перелива денежного капитала из одних регионов мира в другие, от одних стран к другим.

На основе широкого развития современных информационных технологий, закольцевавших отдельные страны и регионы в единую глобальную электронную сеть, финансовый рынок становится общепланетарным, что позволяет крупным держателям акций в одночасье поставить те или иные страны на грань финансового краха. Для этого им стоит лишь договориться об одновременном изъятии с регионального рынка принадлежащие им акции. И потому нередко получается так, что кризис возникает как раз в тех странах, экономика которых перед этим шла на подъем.

Таким образом, теряется всякая связь между реальным сектором экономики и ее финансами. Это как бы виртуальная экономика.

Нынешняя мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный спекулятивный денежный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран золотого миллиарда. Она есть не что иное, как раковая опухоль на живой ткани мировой экономики. Масштабы ее постоянно разрастаются. Метастазы пронизывают финансовые системы все большего числа государств. Опасность «финансовой чумы» XX века становится все более очевидной. Если ее не остановить, то, как предсказывают прогрессивные мыслители современности, она может перерасти в глобальный мировой кризис XXI века [10].

Вот краткая хронология событий только последних лет: банкротство ряда органов местного самоуправления в США, вложивших средства от налоговых сборов в сомнительные ценные бумаги (декабрь 1994 г.); мощнейший крах финансовой системы Мексики (декабрь 1994 г. — январь 1995 г.); кризис испанского песо, шведской кроны и итальянской лиры, а также падение доллара до самой низкой отметки в его истории по сравнению с японской иеной и немецкой маркой (первое полугодие 1995 г.); банкротство известного британского банка Бэрингз из-за провала спекуляций, а также кризис крупнейшей в мире страховой компании Ллойдз оф Лондон (февраль — март 1995 г.); «прыжки на краю пропасти» крупнейшего во Франции и одного из крупнейших в мире банков — Лионского Кредита (вторая половина 1995 г.); наконец, осенью 1995 г. — серия банкротств ряда крупнейших финансовых институтов Японии (кредитных союзов Космо и Кизу Шинью Кумиай, банков Хього и Дэйва). Осень 1997 г. — азиатский финансовый кризис, охвативший страны не только тихоокеанского региона, но и многие другие, далекие от Азии [10]. Вплотную этот кризис теперь приблизился и к России.

Глубокую озабоченность вызывает то, что на рынок государственных ценных бумаг в широких масштабах были допущены нерези-

денты. Сегодня около трети активов этого рынка оказалась в руках западных банкиров и предпринимателей. При наших, сравнительно небольших, золотовалютных запасах ЦБ консолидированные действия нерезидентов по изъятию своих капиталов с российского рынка ценных бумаг могут вызвать глубочайший кризис финансовой системы и крах большого числа банков. Такая зависимость пока еще очень слабого российского рынка от конъюнктуры мирового финансового рынка есть не достижение, а глубочайший просчет правительства.

Не меньшую опасность для России представляет и нынешний механизм поддержки текущего курса рубля. В его основу заложены принципы неэквивалентного экономического обмена между странами золотого миллиарда и так называемыми развивающимися. В процессе интеграции национальных экономик в единое общепланетарное экономическое пространство произошла четкая стратификация государств. Высший табель о рангах в ней заняли страны золотого миллиарда, производительность труда в которых намного превышает средний уровень производительности по всей совокупности государств. За ними следуют страны, производительность труда в которых оказалась близка к средней. Третью группу образуют страны, приближающиеся к среднему уровню общепланетарной производительности. К этим двум группам относятся Норвегия, Финляндия, Южная Корея, Израиль, Венгрия, Турция и др.

Четвертую группу составляют государства с преимущественно сырьевой ориентацией национальных экономик. Производительность труда в них, как правило, существенно отстает от среднемирового уровня. К ним сегодня относится и Россия. Надо иметь в виду, что низкая производительность в этих странах есть результат не только низкого технического уровня их производственной базы, но и недооценки ценности невозпроизводимых природных ресурсов, поставляемых ими на мировой рынок. В результате передовые в техническом отношении государства, за счет выигрыша в более высокой производительности труда, перекачивают значительную часть природной ренты из отсталых стран в состав своего национального продукта.

Недавно у нас был опубликован перевод статьи одного из видных исследователей западной экономики, пишущих на эту тему, — Роберто Репетто «Природные ресурсы в системе национальных счетов». В ней автор отмечает, что неоклассические экономисты, ультрасовременные либералы исключили природные ресурсы из своих моделей финансовой стабилизации переходных экономик. Главный акцент ими делается на рабочий класс и капитал. В последующем в этих моделях появилась и дополнительная новация. Поскольку в переходных экономиках рабочая сила в избытке, то человеческий фактор также следует исключить из макроэкономических моделей. И в результате, как пишет Р. Репетто, развитие экономики таких стран стало рассматриваться почти исключительно в свете сбережений и инвестирования физического капитала.

Именно такую модель нам и рекомендовали мировые финансовые организации, и прежде всего МВФ. В содержательном плане это полная нелепица. Но и в методологическом отношении подобный подход к измерению национального богатства выглядит не менее тенденциозно. Тот же Р. Репетто приводит пример с амортизацией. Износ основных фондов, созданных руками предшествующих поколений, закономерно учитывается в издержках. И это правильно, поскольку «потребление не может поддерживаться до бесконечности лишь за счет расходования капитала без его пополнения. К активам, которые образованы природными ресурсами, отношение иное. Их проедание «ничем не компенсируется в текущем доходе страны».

Таким образом, следовало бы пересмотреть нынешний подход к системе национальных счетов, внося в него дополнения и изменения в части адекватно учитываемой амортизации природно-ресурсного потенциала страны. Но тогда мы должны будем признать, что экономический уровень России и других стран четвертой группы является сегодня многократно заниженным.

Об этом свидетельствуют результаты анализа соотношений ВВП, измеряемого по покупательной способности и по текущему курсу национальных валют, проведенного нами для 50 стран мира. Чем к более высокой

страте относится то или иное государство, тем меньше разрыв в объеме ВВП, измеряемом по покупательной способности и по текущему курсу. Так, для стран золотого миллиарда отношение покупательной способности национальной валюты к ее текущему курсу всегда меньше или равно единице. И наоборот, для стран более поздних страт это соотношение больше единицы. Многократное превышение покупательной способности национальных валют по отношению к их текущему курсу характерно для всех государств сырьевой ориентации. Тяжелую картину в этом отношении представляет Россия. Ее текущий валютный курс удерживается в настоящее время на таком уровне, когда оказывается заведомо неэффективным экспорт большей части российских товаров с высокой добавленной стоимостью. И это не случайно.

Существующий механизм формирования рыночного курса национальной валюты создает огромные преимущества для экономического развития стран золотого миллиарда. Такая экономическая несправедливость наносит непоправимый урон нашей экономике. Но рассчитывать на изменение финансовой политики Запада вряд ли придется. Во всяком случае, маловероятно, чтобы хоть какие-то обнадеживающие подвижки произошли в этом направлении в начале нового столетия.

Россию никак не может устроить такой ход событий. Мы должны, просто обязаны найти для себя достойный ответ на мировой вызов современной финансовой экономики стран золотого миллиарда, и прежде всего США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львов Д., Гребенников В., Глазьев С. и др. К научному обоснованию экономических реформ в России. М.: ЦЭМИ, 1995.

2. Львов Д., Гребенников В., Дементьев В. и др. Путь российских реформ // Вопросы экономики. 1996. № 6.

3. Макаров В.Л. О Российской модели обществ. Арбатский клуб. М., 1996.

4. Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем. М., 1997.

5. Осипов Г.В. Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М., 1997.

6. Львов Д., Гофман К., Харисон Ф. и др. Стратегический курс возрождения России // Независимая газета. 1994.

7. Львов Д., Дементьев В. Новая промышленная политика // Экономист. 1997. № 6.

8. Львов Д. Экономическая наука в новой России // Вестник Российской Академии наук. 1997. № 6.

9. Направления среднесрочной программы социально-экономического развития России. Доклад Отделения экономики РАН. М., май 1997.

10. Тенненбаум Дж. Процесс дезинтеграции мировой финансовой системы. Пер. с англ. из журнала «Российское аналитическое обозрение», декабрь 1995.

11. Глазьев С. За критической чертой. М., 1996.

12. Стратегия развития российской экономики и программа первоочередных шагов. Научный доклад Института экономики РАН. М., июнь 1996.

13. Львов Д. Россия на пороге третьего тысячелетия. Научный доклад. М., 1997.

14. Сценарий подъема российской экономики в 1998—2005 гг. Научный доклад Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, подгот. автор. коллективом под руков. чл.-корр. В.В.Ивантера. М., 1998.

15. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука в новой России. М., 1998. № 1.

16. Пугачев В.Ф. Пителин А.К. Экономическая политика при избытке трудовых ресурсов. Научный доклад. М., 1998.

17. Российские реформы глазами американских и российских ученых. Под общей ред. О.Т.Богомолова // Российский экономический журнал. Фонд «За экономическую грамотность». 1996.

Поступила в редакцию 02.06.1998 г.

(Окончание следует)

